

Вечер жаркого лета по-прежнему навевал зной, и каждый порыв ветра в воздухе отдавал сухим жаром. За окном зашлись в стрекоте цикады, сидящие на стволах деревьев: их песня, ставшая гимном знойного лета, лишь добавляла духоты.

Невысокие горы, вздымаясь и опускаясь, окружали небольшую деревню. Дома стояли в ряд, плотно прижавшись к бамбуковой роще, тянувшейся от вершины холма на краю деревни до самой окраины. Посреди селения был небольшой пруд — здесь деревенские стирали одежду, мыли овощи и вообще всё, что только можно было вымыть. В углу пруда, прямо в воде, лениво ворочался старый бык.

Под вязом на берегу пруда собралась компания, спасающаяся от жары. Люди сидели, обмахиваясь веерами и оживлённо о чём-то переговариваясь. Ещё издали можно было услышать их возбуждённые возгласы. Молодой парень с кожей медового оттенка стоял у ворот, вытирая полотенцем стриженую под машинку голову. Он был одет в простую майку, широкие шорты и шлёпанцы. Статный, плечистый, с чётко прорисованными мышцами, парень, небрежно перекинув полотенце через плечо, тихо подошёл к краю этой компании сплетников и услышал:

— Знаете что? Тот паренёк, Ван Чэнь, что живёт в нижней части деревни, говорят, сегодня ходил к родителям денег на еду просить, так они ему ни копейки не дали, да ещё и поколотили!

Парень остановился рядом и стал слушать.

Пожилая женщина с другого конца села подхватила:

— Знаю я. У них дома сегодня шум стоял — будь здоров. Я как раз возвращалась с полей, что внизу, и всё слышала. Родители кричали, чтобы он шёл к тётке денег выпрашивать. Ума не приложу, что происходит! С тех пор как у них родился третий ребёнок, они решили Ван Чэня отдать на усыновление бабке Ван. А ведь у той и так свои дети есть, и дочь, и сын — что они вообще творят! Порой слышу, как они на этого мальчишку ругаются, даже называть себя родителями запрещают, ну надо же!

Другая старушка добавила:

— То-то и оно. Неудивительно, что он с шести-семи лет у бабки Ван и живёт. А я-то думала, она просто помогает присматривать. Оказывается, нет! Видать, младший сын бабки Ван не хотел его брать, хотел выкинуть, да парень уже подрос, рука не поднялась, вот она и забрала его к себе. Ну и родители, до чего же бессердечные!

Вторая бабушка, размахивая веером, проворчала:

— И не говори. Младший из семьи Ван — просто никчёмный человек. У бабки Ван четверо детей, а теперь никто ей не помогает. Двое старших уехали, а эти двое, что в деревне остались, — один ленивее другого. Ещё и ребёнка на неё спихнули, ну и жизнь у неё настала! А ведь паренёк-то способный. Слышала, в школе учится хорошо, каждый год стипендию получает! Как у них только язык повернулся от такого ребёнка отказаться? Какую же карму они себе

портят!

Хэйцзы вставил своё слово:

— Да какая там карма? Просто не хотят его, бросили, даже куска хлеба не дают. Бабка сейчас овощами торгует, гроши одни, до сбора урожая ещё далеко, зерно не скоро соберут, а старьё, что она копит, много денег не приносит! Хорошо хоть сам парень не сдаётся, вырастет — ещё пожалеют, локти кусать будут!

Хэ Хао слушал эти сплетни с удивительным спокойствием. Подобное здесь происходило каждый день, конца и края этому не было. Он примерно понимал ситуацию, зная, о ком речь. Сплетники, конечно, любили приукрасить, но в целом всё было правдой. Хэ Хао как раз собирался прогуляться, чтобы немного остыть, как услышал возглас пожилой женщины:

— Хао-цзы, когда это ты подошёл? Испугал же, ни звука не издал!

Хэ Хао почесал затылок и улыбнулся:

— Тётушка, я так заслушался вашими разговорами, что и не заметил, как подошёл. Сидите-сидите, я пойду пройдуся!

Затем он обернулся к своим дедушке и бабушке, сидевшим в гуще сплетников:

— Дед, ба, я прогуляюсь, скоро вернусь.

Сказав это, он зашагал прочь от пруда.

Этот эпизод ничуть не прервал поток сплетен. В деревне чего-чего, а слухов всегда в достатке. Деревня маленькая, стоит чему-нибудь произойти — и к вечеру все, от мала до велика, уже в курсе. Люди здесь мастерицы переиначивать всё на свой лад: белое назовут чёрным, чёрное — белым, и в итоге история обрастает такими подробностями, что не узнать. Деревенские больше всего на свете любят посмеяться над чужими неудачами.

За прудом начинались деревенские поля. Рисовые чеки тянулись бесконечными ступенчатыми рядами, хотя сезон уборки уже прошёл, и остались лишь голые стебли. Рельеф здесь холмистый, земли разные: на возвышенностях сажали овощи, арахис, кукурузу, хлопок и батат. На такую высоту воду было не подвести, поэтому часть жителей жила лишь тем, что давала земля, а другие уезжали на заработки в города. Земля была распределена по количеству душ: каждый обрабатывал своё и сам же продавал урожай.

Дети тех, кто уезжал на заработки, росли с бабушками и дедушками. Хэ Хао был одним из таких «оставленных» детей — его родители работали в Пекине, старший брат — на юге. Виделись они только по праздникам.

Идя по дороге, Хэ Хао размышлял об объекте недавних сплетен. Все выросли в одной деревне,

каждый знал историю Ван Чэня — его судьба была довольно печальной. Говорили, что родители бросили его в раннем детстве, а бабушка приютила и вырастила. Было ли это правдой или домыслами — никто не знал точно, ведь не пойдёшь же спрашивать прямо в лоб, но все придерживались этой версии.

В детстве они с Ван Чэнем ходили в одну школу и были в одном классе. Хэ Хао помнил его мягким и спокойным: если его обижали, он молчал, учился хорошо, был неразговорчивым и сторонился шумных компаний. Таким он и остался в его памяти.

Все дети из ближайших деревень ходили в начальную школу Сяньвань. Были ли школы в других, дальних селениях, он не знал — никогда там не бывал. В детстве они общались в основном, когда вместе пасли коров, но тогда у них были лишь детские игры, и никто не задумывался о сложных вещах.

После перехода в среднюю школу они оказались в разных классах. Встречаясь в деревне, обменивались парой фраз, отношения были обычными, и о жизни Ван Чэня Хэ Хао почти ничего не знал. Зато деревня бурлила слухами, будто каждый лично заглядывал в его дом и видел всё своими глазами — так убедительно они рассказывали. В школьные годы их пути пересекались разве что на доске почёта: первое место в классе, пример для подражания, лучший ученик в глазах учителей, холодный гений — вот что о нём говорили.

Хэ Хао был полной противоположностью Ван Чэня. В детстве он рос озорником, любил быть в центре событий. Возможно, из-за того, что жил с дедушкой и бабушкой. Школа находилась в деревне бабушки по материнской линии, что было очень удобно, там у него было много друзей. И в школе, и в деревне его все любили, он был как маленький проказник, с которым везде было легко найти общий язык. Даже если родители были на работе, а дома никто не готовил, соседи всегда с радостью кормили его, и он сытым шёл на занятия. Если не хотелось идти домой, он бежал к бабушке, где вместе с двоюродным братом они постоянно пропадали на улице: лазали по деревьям за фруктами, ловили рыбу в реке — словом, творили всё, что вздумается. Часто случалось, что за шалости им доставалось от родителей, но при этом у него был характер, который невозможно было не любить.

<http://bllate.org/book/21860/2268549>